

Тарас Шевченко, делая иллюстрацию к описанию пира, устроенного Александром Суворовым после соглашения с татарами, в книге «История Суворова» (1842), изобразил полководца с кубком вина, поднявшего тост за Русский Крым. Символичность этого рисунка очевидна, и он намеренно предваряет текстовую основу целевого номера «Крым-на-Дону».

Слово главного редактора Виктора Петрова «Русский огонь» проецирует литературную традицию на день сегодняшней. И здесь более чем уместен Тютчев. Поэт слышал певучесть в морских волнах. А их чередование – суть бытийного движения. И можно ли воспротивиться историческому смыслу, когда высшая сила меняет обстоятельства?

Таврида, русский Крым! Где ещё в таком числе собраны столь значимые литературные имена? Их слово – благодатный русский огонь, что явлен во спасение. Его отсвет ложится и на произведения крымских авторов этого номера.

Первое же стихотворение подборки «Парус реял альбатросом» Валерия Левенко (Керчь) запоминается неологизмом прямо-таки по-маяковски.

*И до чего же не пустяк, –
заслышав крик сивашских чаек,
в Крым торопясь,
почуять, как
всё нарастающе
крымчает.*

Нет нужды представлять известного прозаика Андрея Воронцова (Симеиз) – именно такова в данном случае географическая привязка этого столичного автора. Он ещё в прежние вре-

мя обосновался на полуострове и, живя на два дома, творчески связан как с Крымом, так и с его писательским сообществом.

Цикл «Крымские рассказы» читается на одном дыхании. Андрей Воронцов верен своей реалистической манере письма, а сюжетное построение держит читателя в напряжении до последней фразы. Заметки из его писательского блокнота это уже для истории. Например, зарисовка с натуры «Ночь, паром, Крым» о радости и чуде обретения, казалось бы, потерянной русской земли.

Публицистичен в своих гражданских стихах «Два слова – Россия и Бог» Константин Фролов (Симферополь). Но и у него вырывается горестный вздох в обращении к братскому народу.

*Я не требую места.
Этот путь не для нас.
Мы опять будем вместе.
Но, увы, не сейчас.*

Двумя рассказами представлена Галина Грановская (Симферополь). И если «На фоне египетской ночи тёмной» кажется поначалу дорожным впечатлением, а в конце выводит к противостественности реалий, то второй рассказ «Шалопут» – точное исследование человеческой драмы, когда обстоятельства сильнее благих помыслов. Автор солидаризируется со своей героиней в том, что «оставляй прошлое прошлому...»

Виктор Петров счёл необходимым пояснить необычность «двойной» публикации Владимира Алейникова. Удивительно, но в читательском восприятии поэтический взлёт 60-80 годов прошлого века означен теми именами, что и сейчас на слуху. Они широко печатались, хотя представлялись гонимыми. И в то же время существовала иная литература, не менее талантливая, но известная узкому кругу. Здесь, конечно, должен быть упомянут СМОГ, где сошлись те, кто безоглядно жил поэзией, оплачивая слово судьбой.

Владимир Алейников зачинал этот Союз, лучше, чем кто-либо другой, знает всё доподлинно о его участниках. Он автор объёмных и уникальных в своём роде воспоминаний. Журнал печатает его эссе «И свеча твоя – не погасла...» о Леониде Губанове (1946-1983), которого Владимир Дмитриевич причислил к людям с трагической судьбой, подчеркнув: «Но зато это русские люди с небывалой силой духа и по-настоящему талантливые».

Сам поэт Владимир Алейников, хотя вроде бы считается москвичом, однако, значительную часть времени проживает в

Коктебеле, где его дом и творческая мастерская, ведь он ещё и оригинальный художник.

Главное же – применительно к этому номеру журнала – поэтическое творчество Владимира Алейникова пронизано крымскими мотивами, чему подтверждение его стихи из цикла «Славянский корень».

Рассказ Виктора Лановенко (Севастополь) «Соучастник» ведётся от первого лица и более походит на исповедь. Повествуется о трёх поколениях на примере одной семьи. Поправка на время, точные детали, характеры, взаимоотношения между персонажами с учётом обстоятельств. Эти обстоятельства ломали людей, ломались и сами они. В итоге к «соучастнику» приходит понимание, что предательское малодушие оплачивается исковерканной судьбой не только близких, но и своей собственной.

*Не постичь этой вечной дали
Ни пером и ни духом чужим,
Только русские умирали
За отеческий, горький дым.*

Приведена строфа из подборки севастопольца Валерия Воронина «Надежду верой нарекали». Для него характерны героические мотивы родного города. Упоминаются Большая Морская, Никольский храм, Балаклава... Всё близко и дорого, овеяно русской славой. Сам же Севастополь – город символ.

Рассказ Владимира Сорокина «Петушиная история» подкупает своей достоверностью. Он про то, как пробуждается душа у маленького Вовки. Окружающий мир даётся в детском восприятии, и не потому ли начинает щемить наше взрослое сердце от осознания того, что мы уже не так чисты и добры, как этот малыш?

Александра Фёдорова из Керчи пишет просто и безыскусно, деля своё «Сердце пополам» – название стихотворной подборки. Удачно прибегает к народной сказовости:

*Нам надеяться и любить дано,
Растить детушек, заповедано.*

В пучину человеческих страстей погружает рассказ «Сенполия» Анны Зенченко (Евпатория). История неудачной любви русского и американки. Оба хотели быть вместе, делали всё возможное и невозможное для этого, но оказались совершенно

разными людьми. Меркантильность и бескорыстие суть антонимы. Они расстались, но для понятного и близкого нам душевно русского ещё не всё потеряно, потому как зацвела сеньполиа, и за ней нужен уход... Однако сие уже новая история.

Анатолий Маслов (Ялта) философски замечает в одном из стихотворений своей подборки «И жить, и сострадать...», и с ним соглашаешься:

*Утешиться бы чем, минуя разногласья?
Не страшен разговор – страшнее немота...*

Александр Грановский из Симферополя строит свой рассказ «Числа Му» на сопоставлениях и противопоставлениях. Молодая пара хочет найти себя в другом мире, но то, что прежде было родным, не отпускает.

Под рубрикой «Минувшее объемлет» идёт эссе Геннадия Шалюгина «Живое присутствие Пушкина». Автор не только проводит нас по крымским местам поэта, но и попутно досаждает, что кому-то не удалось прочувствовать живое дыхание Пушкина: «Один литератор-диссидент написал книгу «Прогулки с Пушкиным», где «выдумывал своего Пушкина». И оказалось, что «его Пушкин» – это чёрная дыра, пустота... Если же подняться над абстрактными домыслами, то Пушкин – это ключевой ген нашей культуры. Из поколения в поколение он передаёт самое главное, самое родовое свойство организма славянской культуры: доброта, милосердие, целомудрие».

Любопытен материал-разыскание Леонида Сомова (Севастополь) «Смотреть на звёзды» о романе «Осаждённый Севастополь» и странной судьбе его автора Михаила Михайловича Филиппова. Достаточно сказать, что это произведение высоко оценил Л. Н. Толстой.

Рассказ Сергея Молодцова (Керчь) «Последний разговор» написан в форме мысленного письма матери от сына, которому суждено погибнуть ради товарищей, выполняя боевое задание в горячей точке...

Два рассказа Людмилы Пивень из Севастополя объединены темой «Люди и лошади». Автор хорошо понимает и чувствует того, о ком пишет, будь это человек или его «брат меньший».

Подготами называли себя воспитанники военно-морских подготовительных училищ, и о том, как они входили во флот-

скую жизнь, повествует в новелле «На шхуне» Сергей Ислентьев (Севастополь).

Керчь знавала молодого Александра Пушкина. А когда в начале 1914 года сюда приезжают Северянин, Бурлюк и Маяковский, то с ними знакомится гимназист Георгий Шенгели, впоследствии сам известный поэт Серебряного века. Весной 1919-го он назначался «комиссаром искусств» в Севастополь. Пожалуй, с оглядкой на литературные традиции Керчи, всего Крыма и создавалась Керченская молодёжная литературная студия «Депо Пегаса».

Почему «депо»? Так это в кавалерийской части предприятие для хранения сбруи и тягла, фуража, а также ремонта и другого обслуживания конного состава. И для пегасов соответственно... Студийцами увлечённо «руководят» Вячеслав Демченко и Злата Золотова. Творческая семья «деповцев» представлена в журнале самостоятельным блоком. Это стихи Златы Золотовой, Анастасии Грицон, Анны Ложкиной, Анастасии Протасовицкой, Юлии Крауз, а также эссе Вячеслава Демченко «Дагерротипия».

«Вторая тетрадь» журнала открывается прозой Евгения Чебалина (Самара). Дальнобойщик, герой его рассказа «Квазиморда из Парижской Богоматери», возвращается из Крыма к себе домой, на Волгу. Берёт попутчика, и с этого момента творятся удивительные вещи...

Доктор филологических наук Алла Новикова-Строганова (Орёл) выступает со статьей «Где бьётся сердце Диккенса» под традиционной для журнала рубрикой «Прочтение классики». Материал приурочен к 205-летию знаменитого зарубежного писателя, более всего близкого по мировосприятию русской классике.

«Бабочки летят на «Зов Нимфея» – уже в первом абзаце этого фельетона-репортажа Виктора Петрова (Крым – Ростов-на-Дону) под рубрикой «Литлохия» обозначено явление. Литлохия – страна без границ и определённого места нахождения на просторах интернета. Забейте в поисковике «литературные конкурсы»: выкликайте – и Литлохия возжаждет приглубить вас, посулит всё, чего изволите. Она вполне может назваться крымским Международным конкурсом «Зов Нимфея», куда так и слетаются отовсюду бабочки, сиречь персонажи самодеятельного творческого процесса.

Заключает номер «Ретроспекция» Это публикуемые по просьбе библиотекарей и читателей обзоры журнала «Дон», что печатались после выхода каждого номера в газете «День литературы».